Колб, Е. Г. Французский опыт модернизационной политики в конце XX — начале XXI в. / Е. Г. Колб // Працы гістарычнага факультэта БДУ: Навук. зб. Вып. 4 / Рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.] — Мн: БГУ, 2009. — С. 95–101.

Е. Г. КОЛБ

ФРАНЦУЗСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.

Первыми проявлениями кризиса индустриальной модели во Франции стала «молодежная революция» конца 60-х гг. В ней выразился протест наиболее динамичных слоев французского общества против технократической идеологии и выстроенной на ее основе политики. Однако в полной мере необходимость модернизации проявилась в 70-е гг. в условиях нарастания экономических и социальных проблем (стагфляция, структурный кризис в экономике, сбои в функционировании системы социальной защиты, кризис традиционной семьи, конфликт поколений, разрушение традиционных ценностей и др.). При всем многообразии конкретных причин этих явлений все они свидетельствовали о том, что французское общество в своем развитии все более выходит за рамки индустриальной модели. Перед политиками страны встала задача проведения структурных реформ, призванных приспособить

жизнь общества к реалиям и требованиям постиндустриальной фазы развития.

Намерение действовать в этом направлении первым из французских политиков обозначил Ж. Шабан-Дельмас, но первые модернизаторские усилия были сделаны в 1976—1980 гг. правительством Р. Барра. Однако в целом политика Барра представляла собой прагматичный курс, содержавший набор мероприятий, заимствованных из различных экономических доктрин и не связанных неким единым замыслом. Это объяснялось тем, что правившие тогда во Франции правые силы недооценили характер и глубину кризисных явлений и надеялись справиться с ними при помощи привычных мер. И лишь с начала 1980-х политика структурных реформ стала основой деятельности французских правительств.

В этой политике можно выделить два основных этапа. Первый охватывал 1981—1988 гг. и характеризовался стремлением быстро провести широкомасштабные реформы, имевшие своим теоретическим обоснованием традиционную левую и либерал-консервативную доктрины. Второй этап (1988—2006) можно назвать прагматическим. Для него характерны отказ от глобальности и преднамеренной идеологической окрашенности, стремление политиков в большей мере учитывать настроения французов.

Такой переход к прагматизму в политике структурных реформ был обусловлен тем обстоятельством, что происходившие в обществе изменения не укладывались в рамки существующих доктрин. Главным недостатком традиционной левой доктрины являлось несоответствие ее экономических и социальных принципов реалиям постиндустриального общества. Либерал-консервативная доктрина, положенная в основу модернизационной стратегии правых партий, имела неоспоримые преимущества, поскольку содержала экономический проект, отвечавший объективным требованиям развития современной инновационной экономики. Этим в первую очередь и объясняется доминирование этой идеологии в 1980-е гг. Однако социокультурная часть либерал-консервативной доктрины, выстроенная на индивидуалистических принципах, моральном ригоризме, призывах возродить традиционные ценности, уже в 1980-е гг. не находила широкой поддержки среди французов. В 1990-е гг. эти идеи пришли в еще большее противоречие с устремлениями значительной части населения, особенно молодежи и новых средних слоев. Более того, в 1990-е гг. по мере реализации либерал-консервативных рецептов выявились и другие недостатки этой доктрины

(неустойчивость экономического развития, увеличение социального неравенства, усиление маргинализационных тенденций, низкая эффективность предлагаемых мер по борьбе с безработицей и др.). Именно поэтому в 1990-е гг. политики Франции были вынуждены отказаться от «подгонки» проводимых реформ под некий глобальный проект, реагировали на очевидно назревшие для решения проблемы, ориентировались на опросы общественного мнения при планировании реформ (последнее особенно было характерно для левых правительств М. Рокара и Л. Жоспена).

Одной из особенностей модернизационной политики во Франции было то, что она проводилась рывками. Это объяснялось политической конъюнктурой. Правые партии проводили реформы более широко и активно, левые силы, приходя к власти, действовали более осторожно, ограниченные в своей реформаторской

деятельности собственной идеологией и боязнью утратить поддержку своего традиционного электората. Лишь правительство Л. Жоспена (1997—2002) рискнуло активизировать проведение реформ, намереваясь модернизировать электорат ФСП за счет молодежи и новых средних слоев.

Второй особенностью модернизационной политики во Франции было то, что она в различной степени затронула разные сферы общества.

Центральное место в реформаторской политике французских правительств заняло реформирование экономики. Такой выбор был продиктован необходимостью преодолеть структурный кризис, а также повысить конкурентоспособность французской экономики в условиях ускорения глобализационных и интеграционных процессов. Структурное реформирование было направлено на сокращение государственного регулирования и создание новой экономической модели, в которой «двигателем» экономики является освобожденная от ограничений частная инициатива, а роль главного регулятора выполняют рыночные механизмы. Действия по созданию такой модели развернулись по четырем основным направлениям: приватизация государственного сектора, дерегламентация предпринимательской деятельности, снижение налогов, поддержка мелких и средних предприятий. Реформы структурного характера сопровождались усилиями по борьбе с инфляцией и сокращением дефицита государственного бюджета.

Такая политика отвечала объективным потребностям страны, поэтому не случайно между главными партиями Франции установился своеобразный консенсус по вопросу о сущности экономических реформ.

Главную роль в реформировании экономики сыграли правые партии, которые с начала 1980-х гг. перешли на позиции неолиберализма. Именно они за время своего пребывания сделали наиболее решительные шаги по реформированию экономики. ФСП после неудачной попытки структурных реформ на основе кейнсианских и дирижистских рецептов с 1983 г. также была вынуждена перейти к использованию неолиберального инструментария в своей экономической политике. Но при этом главные усилия социалистов долгое время были направлены прежде всего на достижение равновесия финансовой системы, а реформы структурного характера носили весьма ограниченный характер в силу того, что они слишком явно противоречили традиционной партийной доктрине. Лишь правительство Л. Жоспена более акцентировано проводило действия структурного характера. Оно не только завершило начатую правыми программу приватизации, но и предприняло новые шаги в этом направлении. Также оно не стало препятствовать начавшейся с середины 1990-х гг. перестройке структуры и методов деятельности крупных французских компаний, которую эксперты расценили как подлинную революцию внутри частного бизнеса, отстававшего по этим показателям от главных конкурентов Франции.

В социальной сфере структурные реформы носили более ограниченный характер. Это объяснялось в первую очередь настроениями французов, выступавших против распространения неолиберальных реформ на социальную сферу. Так, попытки радикального реформирования системы социальной защиты натолкнулись на решительное сопротивление населения. В результате реформы свелись главным образом к действиям по сокращению дефицита системы социального страхования. При всей революционности некоторых из них — например, введение всеобщего социального взноса или определение парламентом размера расходов системы — ее устройство осталось неизменным. Правда, постепенно были заложены основы альтернативной системы социального страхования, но составляющие ее страховые режимы действуют лишь как дополнение к основной системе. И только нынешний президент страны Н. Саркози вновь решился поставить вопрос о решительном реформировании системы социального страхования, спустя двенадцать лет после аналогичной попытки А. Жюппе.

Сходная ситуация наблюдалась и при проведении объективно назревшей реформы системы образования. Несколько попыток широкомасштабных реформ натолкнулись на сопротивление преподавателей, учащихся и их родителей. Французским правительствам пришлось пой-

ти на пошаговое проведение реформ и корректировку их содержания с учетом мнения заинтересованных сторон. Это позволило проводить перемены в сравнительно спокойной обстановке, но затормозило адаптацию французской системы образования к новым требованиям.

В решении таких актуальных проблем французского общества, как борьба с преступностью и иммиграция, правые правительства использовали привычные репрессивные механизмы. Левые кабинеты старались проводить альтернативный курс. Он предусматривал перенесение центра тяжести в борьбе с преступностью с наказания на предупреждение правонарушений, привлечение общественности к охране правопорядка, интеграцию иммигрантов во французское общество. Однако действия в этом направлении вызвали сопротивление со стороны работников судебной системы и правоохранительных органов. В результате левым правительствам пришлось сохранить в силе многие решения правых правительств. Практика показала, что французы, несмотря на явно возросшую в 1990-е гг. толерантность в подходах к

решению этих проблем, в целом поддерживали действия правых, прежде всего потому, что усилия социалистов не привели к быстрому улучшению ситуации.

Тем не менее в социальной и политической сферах в 80—90-е гг. XX в. были проведены действия модернизационного характера. Главная заслуга в этом принадлежит социалистам. Объяснялось это тем, что для правых партий возможности проведения реформ в этих сферах ограничивались их собственными консервативно-охранительными подходами. Для социалистов же такие реформы позволяли компенсировать отсутствие экономической доктрины. Из реформ 1980-х гг. следует назвать, прежде всего, отмену смертной казни, усилия по борьбе с дискриминацией женщин в оплате труда и в профессиональной деятельности, децентрализацию системы управления. В 1990-е гг. последовали новые решения: ограничение совместительства депутатских мандатов, гарантии независимости судей, сокращение до 5 лет президентского мандата, закон о защите прав сексуальных меньшинств и незарегистрированных семей, введение обязательного 50-процентного представительства кандидатов-женщин в партийных избирательных списках, расширение использования региональных языков, усиление защиты прав детей. Все эти действия действительно были шагами в направлении нового общества и получили поддержку большинства населения. Правда, при всей значимости этих реформ, они лишь подтягивали Францию до уровня других западноевропейских стран. Более того, в конце 90-х гг. выяснилось, что для французов эти аспекты мо-

дернизации явно занимали второстепенное значение по сравнению с более прозаическими вопросами, такими как динамика доходов, занятость, проблема повседневной безопасности.

Таким образом, при проведении модернизаторских действий наблюдалась, с одной стороны, преемственность политики главных партий страны в реформировании экономики, с другой — своеобразное распределение ролей: правые партии играли ведущую роль в модернизации экономики, левые — в модернизации социокультурной и политических сфер. Столь явное сближение политики главных партий страны привело к тому, что, начиная с конца 1980-х гг., около двух третей французов неизменно считали, что между левыми и правыми партиями более нет принципиальной разницы.

Динамика и масштаб модернизационных реформ, помимо замыслов политиков, определялся и реакцией населения на проводимую политику. Уже в 1980-е гг. выяснилось, что, несмотря на значительный рост индивидуалистических настроений и согласие французов с неолиберальными реформами в экономике, население страны выступало против их распространения на социальную сферу. Это объяснялось как историческими традициями Франции, так и прагматическим нежеланием пожертвовать частью своих социальных завоеваний во имя эффективности национальной экономики. Именно поэтому попытки глубоких реформ в области социальной защиты или образования натолкнулись на широкое сопротивление. При этом движение протеста получило широкую поддержку со стороны тех категорий, чьи интересы реформы непосредственно не затрагивали. Сталкиваясь с недовольством населения, французские правительства, в отличие от их коллег из других западных стран, не старались долго сопротивляться и шли на уступки, жертвуя своими замыслами во имя внутреннего спокойствия или конъюнктурных политических соображений. Именно поэтому во Франции сопротивление объективно необходимым, но мало популярным реформам оказалось вполне эффективным, несмотря на более слабое по сравнению с другими западными странами профсоюзное движение.

Такое отношение населения к политике реформ оказало влияние и на методы их проведения. Одним из средств нейтрализации возможного сопротивления стало проведение широких консультаций со всеми заинтересованными сторонами по планируемым реформам (так называемые Генеральные штаты). Многие крупные реформы принимались в виде рамочных законов, которые устанавли-

вали лишь общую направленность перемен. Конкретные же условия их реализации устанавливались соглашениями профсоюзов и предпринимателей. Такой подход не только снижал вероятность сопротивления, но и позволял учитывать особенности предприятий, отраслей и регионов.

Однако при всей демонстрации готовности к социальному диалогу содержание и график реформ всецело определялись правительствами. Это порождало в обществе совершенно справедливые упреки в технократизме в адрес правительств. В конце 1990-х гг. главная организация французских предпринимателей Движение французских предприятий даже попыталась взять на себя инициативу в проведении реформ путем заключения соглашений с профсоюзами о перестройке систем социального страхования, здравоохранения, профессиональной подготовки и пенсионной системы.

В более широком плане содержание модернизационной политики, технократические методы ее проведения и сближение политики ведущих партий стали одной из основных причин такого явления, как кризис системных партий, характерного в настоящее время для всех ведущих стран мира. В его основе лежит растущий разрыв между ожиданиями населения и действиями политиков, порождающий мысль о том, что политические элиты навязывают гражданам некий свой вариант перемен. Проявлениями этого явления стали падение авторитета ведущих партий, растущий уровень абсентеизма и рост популярности так

называемых протестных партий (во Франции таковыми в левом лагере являются троцкисты и экологисты, в правом — Национальный фронт).

Вероятно, наиболее действенным способом преодоления этого кризиса могла бы стать способность политических партий, не теряя своей идентичности, разработать реалистический проект нового общества с учетом устремлений основной части населения. Отсутствие такого проекта стало одной из центральных проблем главных политических партий всех ведущих стран мира. Его разработка наталкивается на три главных препятствия. Во-первых, формирование постиндустриального общества сопровождается усилением социальной фрагментарности, растущим несовпадением интересов различных групп населения и неустойчивостью этих устремлений. Во-вторых, к настоящему времени нет полной ясности относительно контуров постиндустриального общества и перспектив его развития. В-третьих, главные партии в своей деятельности руководствуются принципами «культуры управления», которая требует воздерживаться от выдвижения привлекательных, но заведомо невыполнимых обещаний. Уже в 1990-е гг. главные партии начали поиск такого проекта. Насколько успешными окажутся их усилия, покажет будущее.